

Современная русская пунктуация как знаковая система

И. Е. Ким

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Статья посвящена пунктуационной системе русского языка как системе знаков с собственным содержанием и собственной формальной организацией, отличной от организации алфавитных знаков (букв), цифр и небольшого количества иероглифических знаков русского языка. В плане выражения знаки препинания отличаются геометричностью и тяготением к одномерности или даже нулевой мерности, в плане содержания они выступают знаками членения и организации текста (метатекст по А. Вежбицкой).

Ключевые слова: русская пунктуация, знаки препинания, графическая система языка, параграфемика, метатекст, пространственная организация текста.

УДК 003.086; 811.161.1

DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-302-318

Контактная информация: Ким Игорь Ефимович, доктор филологических наук, зам. директора Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, kim@philology.nsc.ru); профессор кафедры общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, i.kim@g.nsu.ru)

Пунктуация как система знаков находится на периферии графической системы языка (системы письма). Центральное место в этой системе занимают знаки, передающие членораздельные (сегментные) единицы речи через кодирование звучания (алфавитное, консонантное и слоговое письмо) и /или смысла сегментных

Ким И. Е. Современная русская пунктуация как знаковая система // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 302–318.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2019. № 2
© И. Е. Ким, 2019

единиц языка (иероглифика) [Зализняк, 1979; Шварцкопф, 1988, с. 7]. Для русской графической системы центральными знаками являются алфавитные знаки (буквы), обозначающие фонемы в том смысле, в котором последние понимаются Московской фонологической школой, т. е. строевые элементы морфем, видоизменяющиеся в зависимости от фонетической позиции и окружения.

Периферийность пунктуации не позволяет воспринять ее как целостную систему знаков. Русская пунктуация обычно воспринимается как дополнительное средство для правильного отражения синтаксических отношений. Поэтому очень часто в практике преподавания систематического курса русского языка используется такое название «Синтаксис и пунктуация». И большинство правил пунктуации написаны так, что их нельзя применить без знания синтаксиса.

Другое устойчивое представление о пунктуации, даже превосходящее по популярности представление о ее встроенности в синтаксис, связано с нормативным характером пунктуации: мы говорим не о законах пунктуации, а о пунктуационных правилах (пунктограммах). Нормативный взгляд тесно связан с синтаксическим, поскольку правильность пунктуации говорит о понимании пишущим синтаксической организации предложения и текста. Про пунктуацию конкретного текста или рядового носителя языка не говорят в терминах эффективности, наглядности, а говорят о ее правильности, нормативности, вариативности. Исключение составляет выразительность, которую можно связать с третьим представлением о пунктуации, дополняющим первое и второе.

С третьей точки зрения, пунктуация нужна как выразительное средство письма. Место применения этой точки зрения – в изучении художественных текстов и интернет-коммуникации. Помимо работ, посвященных пунктуации конкретных авторов, например, [Сафронова, 2004] о пунктуации М. Цветаевой, есть и обобщающие работы, например, [Кольцова, 2003]. Торжество изобразительной выразительности пунктуационных знаков (в дальнейшем – ПЗ) – применение их в интернет-коммуникации в качестве элементов смайликов, стилизованных изображений выражения лица человека. Речь в данном случае идет о комбинировании смайликов из ПЗ и некоторых других графических знаков, а не о готовых рисунках, вставляемых в текст или автоматически заменяющих комбинации ПЗ.

Эти три подхода в каком-то смысле исключают системно-функциональный взгляд, который по отношению к другим подсистемам языка является ведущим и наиболее разработанным. Набор ПЗ, их значимые свойства и их внутренние отношения в рамках такого подхода можно представить как компактную, организованную и целостную знаковую систему, а их отношения с внешней средой – как комплекс функций, обусловленных потребностями среды и возможностями знаковой системы.

Интерес к функциональному описанию пунктуации некоторым образом связан с периодами демократизации общества.

Так, монография А. Б. Шапиро, в которой проглядывает тенденция к освобождению от нормативного подхода к пунктуации, вышла в 1955 г., после смерти Сталина и в преддверии хрущевских перемен, монография Б. С. Шварцкопфа, последовательно реализовавшая функциональный подход к пунктуации, – в 1988 г., на пике горбачевской перестройки. Примерно в это же время, в 1989 г., появляется работа А. Н. Баранова и П. Б. Паршина о включении пунктуации в состав метаграфемии.

Логика этих поворотов в моменты общей демократизации идеологии и общественной жизни объясняется тем, что в такие времена требование соответствия общественного поведения норме ослабляется. Лингвистика в этом смысле следует общекультурным тенденциям и начинает изучать то, что есть, а не то, что должно. Пунктуация как лингвистическая дисциплина, ориентированная на языковую норму, именно в такие периоды способна выйти за пределы узконормативного взгляда и обнаружить новые возможности описания. Возвращение регламентации общественной жизни в периоды политической стабильности приводит к новому потоку фиксации нормативных коллизий и тонкостей, поглощающих теоретическую непредвзятость и функциональную широту взгляда.

Второй источник отказа от нормативно-синтаксического подхода к пунктуации – привлечение к описанию текстов, ранее не попадавших в поле зрения специалистов по пунктуации. А. А. Реформатский (1989) рассматривал графику и другие выразительные средства печати с позиций типографики. Б. С. Шварцкопф занимался (в связи с описанием пунктуации и безотносительно к ней) изучением текстов деловой сферы, а в итоговой монографии описал нестандартную пунктуацию драматических произведений [Шварцкопф, 1988, с. 109 и далее]. Изучение древнерусской пунктуации, основанной на иных, нежели современные, принципах организации и свободной от современной жесткой системы кодификации (см. [Абакумов, 1955; Белов 1958; 1959; Михайлов, 1992] и др.), также ставит вопрос об обобщенных, не привязанных к системе норм закономерностях внешнего вида и использования пунктуационных знаков. Таким образом, расширение круга анализируемых текстов¹ ставит не только нормативные вопросы ненормированного письма, но и вопросы применения описательного подхода к пунктуации.

Все это вызвало попытки функционального описания в отечественной пунктуации. Причины применения функционального, а не структурно-системного подхода в качестве описательного понятны: нормативный подход учитывает характеристики макропространства ПЗ (текстовых структур, в которых они функционируют), поэтому и описательный подход учитывал в первую очередь свойства макропространства, т. е. вопросы отношения ПЗ к словесному контексту – тексту. Кроме того, план выражения знаков препинания (их микропространство) скуден даже на фоне выразительной лаконичности букв по сравнению, например, со звуками речи.

Можно назвать две линии применения функционального подхода. Первый подход – системно-функциональный. Он в известном смысле может быть назван семасиологическим и восходит к упрощенной формальной классификации ПЗ – учету положения его элементов в пространстве текста и их соотношения с вербальными компонентами текста.

Сторонником функционального подхода к пунктуации был Б. С. Шварцкопф, чья итоговая монография по пунктуации [Шварцкопф, 1988] позволила взглянуть

¹ В последнее время также изучается пунктуация так называемой естественной письменной речи (см., например, [Тискова, 2002; Власов, 2007]). Наблюдается большой интерес к описанию пунктуации Интернета, особенно блогов, форумов и соцсетей (см. [Нашхоева, 2011; Стурикова, Кирпичикова, 2014; Басалаева, Шпильман, 2015; Басалаева и др., 2016] и др.).

на ПЗ как на систему с ясным набором функций по отношению к внешней среде – тексту.

Б. С. Шварцкопф дает определение пунктуации с акцентом на ее функциональной стороне: «Пунктуация – система общеобязательных графических внеалфавитных знаков, составляющих – вместе с графикой и орфографией – совокупность основных средств письменного языка; генеральное назначение системы пунктуации – графическая организация и членение письменного (печатного) текста [Шварцкопф, 1988, с. 8]. В своей монографии, в духе Московской формальной (фонологической) школы, он определяет позиции для пунктуационных знаков и с опорой на позиционные характеристики описывает их функции. Различая единицы, внутри которых действует ПЗ (сферы употребления), и позицию внутри обслуживаемой единицы, Б. С. Шварцкопф задает две сферы употребления: предложение и текст², и три позиции: начало – середина – конец. Предлагает он также список основных функций пунктуационных знаков, наиболее важными из которых определяет функцию разделения (отделения), выполняемую одиночными ПЗ, функцию выделения, выполняемую парными ПЗ, и функцию распределения, за которую отвечают пунктуационные комплексы, т. е. целые наборы ПЗ, иногда в сочетании с параграфическими средствами, объединенные общей задачей [Шварцкопф, 1988]. Обратим внимание на то, что из формальных признаков ПЗ Б. С. Шварцкопф опирался только на признак размещения элементов знака в тексте: компактно (одиночные ПЗ), в двух местах (парные ПЗ) или в нескольких местах в сложной комбинации (пунктуационные и пунктуационно-орфографические комплексы).

Есть в монографии Б. С. Шварцкопфа и нормативный раздел, но он располагается после функционального, что говорит о подчиненности нормативного подхода функциональному в системе ценностей исследователя. Второй особенностью нормативного раздела является его дескриптивный и дискуссионный характер.

Второе направление функционального взгляда на пунктуацию – текстоцентрическое, которое можно связать с ономазиологическим подходом в лингвистике. Оно восходит к введенному А. Вежбицкой [1978] понятию метатекста. Метатекст, как его понимает А. Вежбицкая, – это элементы текста, которые являются средствами организации и членения самого текста, например: *Кстати, (Ян уже уехал)*. А. Вежбицкая так толкует смысл *кстати* в сочетании с приведенным контекстом: «1) Я хочу сказать что-то другое. 2) Я думаю, ты понимаешь, что меня на это натолкнуло то, что я говорил. 3) Знай, что Ян уже уехал» [Там же, с. 411]. Первая и вторая части толкования выражают функцию *кстати* по А. Вежбицкой. Важной особенностью такого метатекста является его встроенность в текст, «сегментный» характер, отсутствие маркеров отличия от собственно текста. В этом заключается парадокс метатекста, который подобен «парадоксу брадобрея» в логике. Последний также называют «парадоксом Рассела» по имени сформулировавшего его философа, логика и математика Б. Рассела [Russel, 2010, p. 101–104; One hundred years..., 2004]. Формулировка парадокса приблизительно такова: брадобрей бреет в городе тех и только тех мужчин, которые не бреются сами. Бреет ли брадобрей сам себя? Понятно, что любой ответ порождает противоречие, которое может быть разрешено только введением особых правил для «брадобрея». В этом смыс-

² Ср. [Пеньковский, Шварцкопф, 1979], где выделяются три сферы употребления, включая еще и слово. Я придерживаюсь аналогичной точки зрения.

ле и метатекст оказывается в ситуации внешней неотличимости от собственно текста, в отличие, например, от разметки в современных информационных системах, хотя он и выполняет функцию обработки элементов текста.

Т. В. Шмелева сближает метатекст с метакатегориями модуса высказывания [1994, с. 28–29].

Описанию средств метатекста в русском языке посвящена докторская диссертация Н. П. Перфильевой (автореферат [Перфильева, 2006]). Она показала, что «метатекстовая функция знаков препинания проявляется в двух частных: актуализационной («выделяю самое важное») и метаязыковой («указываю на рефлексии относительно употребляемого кода в семасиологическом, стилистическом, лексикологическом планах»). Так, в высказывании *Группа провела кинопробы, утвердила актёрский состав, была выбрана натура, а потом произошло предательство. Причем «кинули» нас как-то особенно неинтеллигентно, как-то особенно мерзко* (Э. Рязанов) кавычки выполняют метаязыковую функцию, а в контексте *О любовь! Спасает мир – она!* (М. Цветаева) – актуализационную (по всей видимости, автор имеет в виду функцию восклицательного знака. – И. К.)» [Там же, с. 27].

В исследовании Н. П. Перфильевой «выделены регулярные корреляции средств выражения метатекста: 1) вербальные и собственно пунктуационные (*Только то была не «тарелка» в привычном понимании слова* (выделено автором. – И. К.), *а сигарообразное тело серебристого цвета*. Труд. 2003. № 82), 2) собственно пунктуационные и интонационные (*Все отвергал: законы! совесть! веру!* А. Грибоедов), 3) собственно пунктуационные и шрифтовые (*Они прекрасно понимали, чем грозит конец так называемой «хрущевской весны», осень нашей весны, как потом сформулирует А. Битов*. Н. Иванова); 4) шрифтовые – пространственно-композиционные» [Там же].

Отличие пунктуационных показателей метатекста от вербальных средств заключается в специализации ПЗ, в том, что они, будучи сегментными письменными элементами, не соотносимы с сегментными элементами звучащей речи. Тем самым они сближаются с параграфемными средствами письма и печати (к ним относятся прежде всего шрифтовые выделения и пространственная организация текста), хотя и не совпадают с ними, поскольку последние не сегментны. Существует, однако, набор неязыковых графических средств сегментного типа, например звездочки, галочки и т. п. знаки, также выполняющие метатекстовую функцию, например в маркированных списках³. Это означает, что ПЗ занимают промежуточное положение между графическими и параграфическими средствами письма⁴.

Как видим, письмо располагает набором средств выражения, не имеющих аналогов в речи. Поэтому теоретически важно понятие письменного языка, активно

³ Некоторое количество таких знаков, характерных для советской типографской практики, описал Б. С. Шварцкопф [1988, с. 66 и далее], используя понятие «типографской пунктуации».

⁴ Другой точки зрения придерживаются А. Н. Баранов и Б. С. Паршин [1989; 2018]. Они считают, что пунктуация является частью параграфемных средств языка, относимых ими к метаграфемике. В последнюю входят синграфемика (пунктуация); супраграфемика (цветовые, шрифтовые оформления и выделения, пробелы и проч.) и топографемика (пространственное размещение текста).

использовавшееся Й. Вахеком [1967]. В том числе оно значимо для понимания места пунктуации в графической системе языка вообще и в системе письменных знаков русского языка в частности. Более точно, с моей точки зрения, говорить не о письменном языке (что приводит к спорному тезису о существовании вместо единого языка двух разных языков, если у какого-либо языка существует письменность), а о письменной репрезентативной форме языка. Репрезентативность в данном случае подразумевает потенциал материального воплощения, который определяется возможностями человеческого тела и материальной культуры человечества для создания знака, а также органов чувств человека для восприятия знака. Реальное материальное воплощение знаков языка в его разнообразии описывается понятием фактуры речи, которое ввел в широкое научное употребление Ю. В. Рождественский [1996]. Однако репрезентативная форма языка как потенциал материального воплощения для общечеловеческого употребления сводится к двум разновидностям: аудиально-артикуляционной (устной, звуковой форме; речи) и визуально-графической (письменной форме; письму). Отличный по потенциалу исполнения и восприятия от речи динамический жестовый язык и отличная по этим характеристикам от письма статическая тактильная система Брайля ограничены в употреблении и активно используются относительно закрытыми сообществами соответственно глухонемых и слепых / слабовидящих.

Речь и письмо порождают разные по принципу исполнения, восприятия и существования знаки. Кратко опишу различия, стремясь минимизировать использование лингвистической терминологии, чтобы различия были нагляднее.

Знаки речи – это знаки-процессы, протяженные во времени и представляющие собой звуковые волны со сложной структурой, образуемой наложением друг на друга колебаний разных частот. Элементы таких знаков (фонемы) и сами знаки (фонетические слова) сменяют друг друга во времени и образуют последовательности элементов (слоги) и знаков (синтагмы), а также целостные речевые произведения (фразы). Для русского языка в качестве несегментных факторов существенны различие акцентирования слога (ударения) и безударности, изменяющих звучание элементов, как целостное явление, характеризующее фонетическое слово, и изменение основного тона (интонация), изменяющее звучание и значимость фонетических слов в синтагме, как целостное явление, характеризующее синтагму и фразу. Существенны также и задержки в непрерывности речи – паузы. Пауза как отсутствие речевого звука играет важную роль в членении речи.

Контрастность элементов знаков речи, использование для их производства подвижных органов с низкими энергетическими затратами и способность слуха человека к высокому темпу восприятия позволяют производить речь в очень высоком темпе, но процессная природа речи предполагает и крайне короткое существование знаков во времени: знак перестает существовать, как только прекращается репрезентирующий его процесс. Особенностью звука речи является также то, что материальный результат этого процесса не сохраняется.

Знаки письма – знаки-фигуры (буквы), двухмерные стилизованные картинки, располагающиеся однонаправленно в одном измерении, которое обычно определяется лингвистами как линия. Однако более точно эту последовательность называют строкой или столбцом – узкой полоской пространства, длина которой потенциально бесконечна, а ширина (высота) определяется стандартными размерами фигур. С помощью такой условной одномерности кодируется одномерность и однонаправленность времени. На практике длина строки определяется шириной

писчего материала – страницы, а также комфортом визуального восприятия большого количества мелких фигур – букв. Поэтому в газетах и журналах текст при горизонтальном расположении часто разбивается не только на строки, но и на колонки.

Знаки письма исполняются на писчем или пригодном для письма материале с использованием специальной краски или без нее. Таким образом они формируют надпись или текст – статическое языковое произведение. В связи с этим существование знаков письма принципиально отличается от существования знаков речи: они существуют, пока сохраняется писчий материал и видимый след на нем, образующий фигуры. Текст на странице располагается в виде строк или столбцов, заполненных знаками-фигурами. Потенциально текст способен заполнить все пространство страницы, последовательно переходя со строки на строку или со столбца на столбец, и перейти на другую страницу и т. д.

Такой текст при малой величине знаков-фигур неудобен для чтения. Для удобства восприятия необходимо членение письменного текста, позволяющее выделить в нем единицы разных уровней.

Естественным средством членения выступает физический конец строки или столбца – вертикальная или горизонтальная граница страницы, часто отделяемая от конца строки / столбца полем – пустым пространством строго определенного размера, как правило существенно меньшим, чем длина строки / столбца. Однако такая граница является произвольной, механической, определяется размерами страницы, а не задачами членения.

Лучшее визуальное средство членения – пробел, пустое пространство. Существует несколько разновидностей пробелов – начиная межсловным и заканчивая целой пробельной страницей или пробельным листом. В эту систему входит и физический конец строки / столбца. При этом пробел – довольно абстрактный знак, отличающийся некоторой недискретностью. Размер межсловного пробела на письме определяется на глазок, что приводит к сложности оценки слитных и раздельных написаний при проверке диктантов и других письменных работ по языку. Межсловный пробел может «поглощаться» [Шапиро, 1955, с. 88] концом строки. С другой стороны, если на физический конец строки приходится только часть слова, возникает необходимость в знаке переноса, который показывает, что конец строки не является конечным аналогом межсловного пробела. Конечный абзацный пробел, произвольный конец строки, может совпасть с ее физическим концом, и тогда абзацный пробел станет неотличим от продолжения абзаца. Поэтому в практике русского письма принято делать не только конечной, но и начальной пробел – абзацный отступ, а американский стиль оформления абзаца предполагает дополнительное увеличение интервала между абзацами, которое также недискретно, потому что не кратно нацело величине межстрочного интервала.

Пустое пространство на странице находит осмысление в современной литературе, особенно в формалистических традициях XX в., см., например, [Заруцкий, 2019].

Покажем роль межсловного пробела в восприятии текста на примере (рис. 1).

Негативный эффект от отсутствия межсловного пробела в данном случае усугубляется тем, что, помимо всего прочего, образуется зона контакта латинского и кириллического письма, содержащих внешне одинаковые знаки. В результате буква *e*, которая содержится в обоих алфавитах, оказывается на границе систем,

и возникает двусмысленность в определении не только места пробела, но и границы между разнородными фрагментами текста. Если в зоне контакта контраст высок, то затруднение в восприятии при отсутствии пробела ослабляется, ср., например: *Microsoftна пути к созданию...*



Рис. 1. Иллюстрация и подпись под ней с использованием латиницы и кириллицы и отсутствием межсловного пробела в зоне их контакта
(<https://fotostrana.ru/public/post/241847/704500518/>; дата обращения 09.05.2019)

Fig. 1. Picture and legend containing fragments in Cyrillic and Roman alphabets without word spacing between them
(<https://fotostrana.ru/public/post/241847/704500518/>; accessed 09.05.2019)

Несмотря на удобство при членении текста, некоторые виды пробела в письме использовались не всегда. Так, славянское письмо в начале своего существования обходилось без межсловного пробела⁵ [Иванова, 1962]. А в латинском письме на начальном этапе вместо межсловного пробела использовался пунктуационный знак – точка среднего уровня без пробелов между словами, а затем он был утрачен, что привело к слитному написанию строки.

Таким образом, пунктуация как средство членения и организации текста может сочетаться с межсловным пробелом, может заменять его пунктуационным

⁵ А. В. Михайлов [1992, с. 36–37], однако, возражает против этого распространенного представления о славянском и русском письме, отмечая, что деление на слова наблюдается, например, в «Остромировом Евангелии» и берестяных грамотах разного времени.

знаком, а может действовать в его отсутствие. Тем не менее другие типы пробелов в текстах так или иначе присутствуют.

Для понимания организации функциональной стороны русских ПЗ хочу предложить читателю небольшой (и, как кажется, довольно очевидный) этимологический анализ, который подводит к двум интересным аналогиям.

Пунктуационные знаки имеют еще одно название – знаки препинания. Рассмотрим происхождение обоих терминов.

Термин *пунктуация* восходит к латинскому *punctum* ‘точка’. Точка как простейший по исполнению знак (не имеющий дополнительных элементов знак нулевой мерности) является еще и самым важным – он отделяет друг от друга минимальные коммуникативные единицы – фразы или, в иной терминологии, высказывания. К тому же, как уже говорилось, точка среднего уровня без пробелов в латинском письме служила не менее важным знаком, а именно отделяла друг от друга минимальные самостоятельные значимые единицы – слова. С другой стороны, *punctum* имеет значение укола или тычка (от *pungō* ‘колоть’). Таким образом, пунктуационные знаки определяются по названию наиболее значимого знака и/или по характеру движения, служащего для исполнения такого знака. Ср. и русское слово *точка*, которое также восходит к обозначению исполняющего движения (*ткнуть, тычок*) [Фасмер, 1986–1987, т. 4, с. 90].

Пре-пин-а-ни-е имеет явное родство с *пре-пят-ств-и-ем* [Там же, т. 3, с. 359] и *пре-пон-ой* [там же, с. 359-360]. Префикс *пре-* обозначает поперечное движение [Там же, с. 357]⁶, корень *пин-* / *пон-* / *пн-* / *пя-* имеет значение ‘натягивать’ [Там же, с. 292]. Таким образом, внутренняя форма русского термина связана также с пространственным и динамическим образом, но образом функциональным – поперечным пересечением направления движения чтения, которое осуществляется вдоль строки.

Интересно, что идея препинания-препятствования связана с помехой: препоны и препятствия мешают действию и движению. В противоположность им знаки препинания помогают чтению. Это значит, что знаки препинания – подобие не препятствия, а знаков дорожного движения. Однако аналогия не может быть полной, поскольку дорожные знаки помогают движению, а препятствия мешают. Поэтому естественным образом возникает вопрос о том, почему пунктуационные знаки-препятствия помогают чтению – движению взгляда.

Дорога представляет собой полосу (и даже измеряется в полосах) и этим подобна строке, но, в отличие от последней, объекты, которые размещаются на дороге, трехмерны. Поэтому знаки дорожного движения не стоят на дороге. Они находятся сбоку от дороги или располагаются выше крыши автомобиля над дорогой. Непосредственно на дороге размещается дорожная разметка, которая имеет длину и ширину, но не имеет высоты и поэтому не мешает движению машин.

Пунктуационные знаки, как и дорожная разметка, располагаются на строке, но, в отличие от нее, перемежаются с основными знаками письма – буквами и идеографическими знаками.

Цель организации движения – оптимизация. Оптимизация дорожного движения – это его ускорение и обеспечение безопасности. Оптимизация восприятия письменного текста – это замедление. В отличие от дороги, где целью движения является достижение конечной точки, движение взгляда по строке / столбцу

⁶ М. Фасмер использует в толковании слово ‘пересечение’.

письменного или печатного текста служит для восприятия каждого расположенного на строке знака. Чем лучше членится письменный текст, тем удобнее он для чтения. Членение на минимальные письменные знаки в современном кириллическом тексте сочетается с членением на слова с помощью межсловных пробелов, которые дополняются физическим концом строки и пробелами более высокого ранга. Но этих средств членения, имеющих естественный характер, оказывается недостаточно, поэтому на письме используются специализированные знаки, не кодирующие звучание речи, а служащие для визуального членения текста. Разбивая текст на сегменты, бóльшие, чем слово, такие знаки препятствуют автоматическому движению взгляда по строке. Поэтому пунктуационные знаки называются знаками пре-пинания, т. е. знаками-пре-пятствиями.

Вторая аналогия, которая возникает в связи с ПЗ, имеет недавнюю историю. Это сравнение ПЗ со средствами компьютерной разметки текста. Разметка текста стала модной в эпоху компьютерной коммуникации и особенно в связи с развитием Интернета. Она, конечно же, напоминает дорожную разметку, но если дорожная разметка не мешает движению благодаря своей двухмерности в трехмерном мире автотранспорта, то разметка текста не мешает его восприятию благодаря возможностям компьютерных технологий, позволяющих не выводить на экран монитора и на печать всю закодированную информацию.

Для ПЗ, появившихся задолго до компьютерной эпохи, не были доступны возможности компьютерной разметки текста, но к ним оказались применимы возможности использования другой мерности и /или другого размера, чем мерность и размер букв.

Как уже было отмечено, буквы двухмерны и в идеале вписаны в условный прямоугольник – поле знака (в наклонном письме поле знака представляет собой параллелограмм). Чтобы в минимальной степени мешать движению взгляда по строке, ПЗ, имеющие вспомогательный метатекстовый характер, должны контрастировать с алфавитными знаками. Этого можно достичь несколькими способами, каждый из которых так или иначе использует ПЗ:

- 1) меньшая мерность и /или меньший размер у ПЗ относительно мерности / размера букв;
- 2) больший размер ПЗ относительно размера букв;
- 3) различие ПЗ и букв в форме.

Для того чтобы показать различия этих трех способов, нам необходимо обратиться к формальной классификации ПЗ.

В идеале, как и для фонем и их аллофонов, для графических знаков можно привести две классификации: по исполнению (для фонетических единиц – артикуляционная) и по результату (для фонетических единиц – акустическая). Для графических знаков классификация по исполнению должна называться кинематической (кинема – типизированное движение, в данном случае – руки с инструментом письма), классификация по результату – пространственной, ср. [Кириллица – латиница – гражданица, 2009, с. 55–56]. Однако, в отличие от принятой в фонетике смешанной артикуляционно-акустической классификации звуков речи, для ПЗ (как и для других графических знаков) вполне достаточно привести только пространственную классификацию. Для ПЗ такая классификация включает 6 параметров (подробнее см. [Ким, 2000, с. 98–99; Кириллица – латиница – гражданица, 2009, с. 53–64]):

1) *одно- / многокомпонентность*. Точка, запятая, скобка, слеш, тире, апостроф, одиночные кавычки, дефис⁷ состоят из одного компонента, кавычка, двоеточие, точка с запятой, вопросительный и восклицательный знаки – из двух, а многоточие – из трех компонентов;

2) *мерность*. К знакам нулевой мерности, не имеющим ширины (длины) и высоты⁸, относятся точка, запятая, апостроф, одинарные кавычки, прямые кавычки и кавычки-лапки. Знаки, имеющие и ширину, и высоту, можно назвать двухмерными. К ним относятся вопросительный знак, кавычки-елочки (в принципе, их отнесение к двухмерным знакам или знакам нулевой мерности условно: на печати они выглядят размером почти в поле знака, а на письме часто оказываются значительно меньше), слеш (дробь). Знаки, имеющие только одно измерение, можно назвать одномерными: тире, многоточие, восклицательный знак, скобки, дефис.

Однако для функционирования знаков более важны протяженность в высоту и в ширину.

(2.1) *Высота*. Можно различать вертикальные, или высокие, знаки (с высотой, равной или большей, чем у стандартного поля знака), например, скобки, слеш, двоеточие, восклицательный и вопросительный знаки, точка с запятой, и невертикальные – запятую, апостроф, тире и т. п.

(2.2) *Ширина*. Можно говорить о широких (длинных) знаках: тире, вопросительном знаке, косом слеше (дробь), многоточии, дефисе – и о нешироких, например, двоеточии, скобках, точке, точке с запятой и др.

Таким образом, по мерности ПЗ сводятся к широкому / неширокому и высокому / невысокому знаку. Двухмерные знаки являются широкими и высокими, знаки нулевой мерности являются невысокими и неширокими;

3) *уровень* (только у невысоких знаков): нижний, средний, верхний. Точка, запятая, многоточие – знаки нижнего уровня; тире и дефис – знаки среднего уровня, апостроф, одиночные кавычки – знаки верхнего уровня. Кавычки существуют в трех уровневых вариантах: елочки среднего уровня, лапки бывают нижнего (левый компонент) и верхнего (правый компонент) либо только верхнего уровня. Крайне редко встречаются открывающие кавычки-«лапки» верхнего, а закрывающие – нижнего уровня (мне встретился только один такой случай на письме), что может объясняться неудобством постановки после них точки или запятой;

4) *направленность / ненаправленность*: у некоторых знаков есть выпуклость, которая может быть обращена влево или вправо, внутрь или наружу: у запятой выпуклость направлена всегда вправо, а у скобки наружу. Кавычки-елочки направлены наружу («__»), а лапки могут быть направлены наружу (“__”), вправо (“__”, например, в письменных шрифтах), а могут быть ненаправлены (“__”; их можно также считать прямыми кавычками). Аналогично ведут себя одинарные кавычки, которые имеют только форму «лапок»;

5) *одно- / двухместность* (обычно в литературе используются термины одиночность / парность; используемый мной термин заимствован из синтаксиса

⁷ Поскольку я включаю слово в потенциальный контекст ПЗ (см. сноску 2), я отношу к пунктуационным знакам, кроме принятых, еще дефис и апостроф, функционирующие внутри слова. Кроме того, я включаю в состав ПЗ также одиночные кавычки, слеш и одиночную скобку, которые по тем или иным причинам не попадали в поле зрения специалистов по пунктуации, хотя и использовались в письме.

⁸ Речь, конечно же, идет о релевантной ширине и высоте, равной величине поля знака.

сложного предложения [Русская грамматика, 1980, с. 718 и далее]). Точка, одиночная запятая, одиночное тире, двоеточие, вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие, одиночная скобка, апостроф, слеш, дефис – одностепенные (одиночные) знаки; скобки, кавычки, двойная запятая, двойное тире, двоеточие-тире, одинарные кавычки – двухместные (парные) ПЗ. На основании графического сходства (но не по функции) могут быть сближены апостроф и одинарные кавычки как аналогичные одиночный и парный знаки;

б) *место пробела*: справа, снаружи, с обеих сторон от знака. У одиночных знаков, которые употребляются только внутри слова (дефис, апостроф), нет пробела (за исключением некоторых случаев, когда дефис или апостроф заканчивают графическое слово, например: *экстра- <и интралингвистические факторы>*; в этом случае, однако, можно говорить о межсловном пробеле). У большинства одиночных знаков один пробел справа. Исключение составляет тире, имеющее два пробела (с обеих сторон). У парных знаков, за исключением парной запятой и парного тире, пробелы находятся снаружи (слева от левой части и справа от правой части). У обеих частей парной запятой пробел находится справа. У обеих частей парного тире два пробела с обеих сторон.

Чтобы воочию убедиться в том, какую важную роль играет место пробела в восприятии ПЗ и его контекста, приведем пример последовательного использования пробела перед ПЗ: *Разница очень большая. Плющенко ,как настоящий артист ,показал номер и с ним лично ,его номер никто не ассоциирует ,во всех странах ,этот номер прошёл на ура !Лиза сама подавала себя ,как ассоциацию с этим показательным*⁹ (сохранена пунктуация автора). Обратим внимание на то, что, разорвав с помощью пробела восклицательный знак и предшествующий контекст, автор лишает тем самым этот контекст повышенной эмоциональности. А пространственное сближение с последующим контекстом, наоборот, заставляет и читателя связать со знаком последующий контекст.

Проанализировав все пространственные характеристики современных русских ПЗ, мы можем обнаружить, что большинство из них имеет нулевую мерность или только одно измерение, чем отличается от алфавитных знаков, которые максимально полно вписаны в поле знака, т. е. являются действительно двумерными. Таким образом, современные русские ПЗ в основной массе имеют меньшую мерность, чем буквы, что позволяет их легко распознать и не путать при чтении, устраняя тем самым для ПЗ «парадокс метатекста». Более того, многие ПЗ содержат компоненты нулевой мерности, например двоеточие, многоточие, точка с запятой, восклицательный знак. ПЗ современного русского языка в основном реализуют первый способ различия с буквами.

Интересно, что древнерусские ПЗ тоже отличались от алфавитных знаков, но отличия в отношении мерности / размера были как в сторону уменьшения (например, «срока» (точка)), так и в сторону увеличения. Для этого использовались комбинации знаков, что приводило, с одной стороны, к уменьшенной мерности, а с другой – к увеличению размера. Ср., например, комбинацию «сроки» (точки; употреблена 2 раза), «двосрочия» (двоеточия) и «синтаксиса» (употреблен 2 раза) в тексте Остромирова Евангелия на рис. 2 (ПЗ обведен овалом):

⁹ См.: https://www.sports.ru/figure-skating/1076213252.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения 13.07.2019).

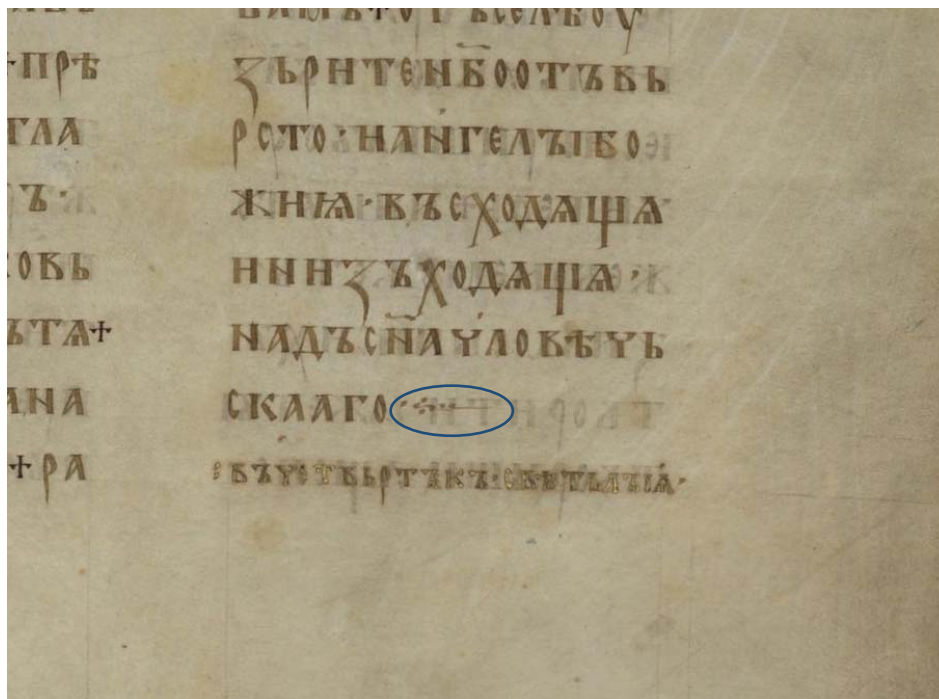


Рис. 2. Фрагмент л. 6–7 «Остромирова Евангелия». Виртуальная коллекция РНБ (http://expositions.nlr.ru/ex_manus/Ostromir_Gospel/_Project/page_Manuscripts.php?izo=B42EB88E-8BD8-44A1-9754-EF88B39E7CAC/; дата обращения 04.07.2019)

Fig. 2. Fragment of sheets 6–7 of the Ostromir Codex.

Virtual collection of the Russian Scientific Library

(http://expositions.nlr.ru/ex_manus/Ostromir_Gospel/_Project/page_Manuscripts.php?izo=B42EB88E-8BD8-44A1-9754-EF88B39E7CAC/; accessed 04.07.2019)

Таким образом, древнерусская пунктуация конца абзаца комбинировала уменьшение мерности компонентов ПЗ по отношению к буквам с увеличением ширины знака, превышающей ширину поля знака, т. е. первый способ создания контраста с буквами со вторым.

Третий способ создания контраста, а именно различие в форме двухмерных ПЗ и букв достигался качеством, которое условно можно определить как степень наполненности поля знака. Русские буквы вписаны в поле знака таким образом, что образующие их линии простираются в пределах поля знака и в ширину, и в высоту. В то же время двумерный косой слеш (дробь) имеет форму отрезка прямой, а заполнение поля знака обеспечивается наклоном слеша, его расположением по диагонали прямоугольника, образующего поле знака: [7]. Двумерный вопросительный знак двухкомпонентен. Одним из его компонентов является точка – знак нулевой мерности. Второй компонент из-за его расположения над точкой заполняет в ширину не все пространство знака, а его верхнюю половину: [8]. Возможно, есть и простое математическое представление отличия двумерных ПЗ от букв по

форме, например, для русского письма это может быть суммарная длина линий, образующих знак.

Таким образом, существует общий принцип формального воплощения ПЗ в отличие от букв – снижение мерности знака или его компонентов до одномерности или нулевой мерности, что позволяет уверенно отличать ПЗ от букв при чтении.

Как видим, и в формальном отношении, и по своим функциям знаки препинания могут быть выделены в рамках русской графики как самостоятельная система, отличная от системы алфавитных знаков (букв), системы числовых знаков (цифр) и примыкающих к ним иных иероглифических (идеографических) знаков. В формальном отношении ПЗ характеризуются одномерностью или нулевой мерностью всего знака или его элементов, с функциональной точки зрения их основная задача – членение и пространственная организация текста.

Список литературы

- Абакумов С. И.* Пунктуация в памятниках русской письменности XVI–XVII веков: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1955. 304 с.
- Баранов А. Н., Паршин П. Б.* Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфематики // Проблемы эффективности речевой коммуникации: Сб. науч.-аналит. обзоров. М.: ИНИОН, 1989. С. 41–115.
- Баранов А. Н., Паршин П. Б.* О метаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 6–15. DOI 10.15688/jvolsu2.2018.3.1
- Басалаева Е. Г., Шильман М. В.* Многоточие как объект языковой рефлексии в интернет-дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 248–255.
- Басалаева Е. Г., Ружа О. А., Шильман М. В.* Русская орфография и пунктуация сквозь призму наивного сознания // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 59–69. DOI 10.17223/18137083/56/6
- Белов К. И.* Из истории русской пунктуации XVII века. Пермь: [б. и.], 1958. 30 с.
- Белов К. И.* Из истории русской пунктуации XVI века / Пермский с.-х. ин-т им. Д. Н. Прянишникова. Пермь: Кн. изд-во, 1959. 24 с.
- Вахек Й.* К проблеме письменного языка / Пер. с нем. Т. В. Булыгиной // Пражский лингвистический кружок. Сб. ст. М.: Прогресс, 1967. С. 524–534.
- Вежбицкая А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 402–421.
- Власов М. С.* Исследование восприятия текстов с нормативной и ненормативной пунктуацией носителями русского и английского языков методом лингвоакустического анализа // Вестник Чит. гос. ун-та. 2007. № 4 (45) С. 86–94.
- Зализняк А. А.* О понятии графемы // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1979. С. 134–152.
- Заруцкий П. С.* «Тишина» на странице: восприятие пустого пространства в тексте в греческой поэзии XX века // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 329–338. DOI 10.25205/2307-1737-2019-1-329-338
- Иванова В. Ф.* История и принципы русской пунктуации: Учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 64 с.
- Ким И. Е.* Пунктуационные знаки в письменной форме современного русского языка: означающее и означаемое // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Ученый. Учитель.

Личность: Докл. науч.-практ. конф. «Лингвистическое наследие И. А. Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия» / Краснояр. ун-т. Красноярск, 2000. С. 95–104.

Кириллица – латиница – гражаница: Коллективная монография / Отв. ред. Т. В. Шмелева / НовГУ им. Ярослава Мудрого. В. Новгород, 2009. 340 с.

Кольцова Л. М. Прагматика художественного текста в зеркале русской пунктуации // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2003. № 1. С. 284–299.

Михайлов А. В. Древнерусский текст: пунктуация и предикация: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 229 с.

Наихоева М. Р. Взаимодействие пунктуационных знаков и эмотиконов в текстах форумов // Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. Сер. Филология и искусствоведение. 2011. № 12. С. 321–327.

Пеньковский А. Б., Шварцкопф Б. С. Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы // Современная русская пунктуация. М.: Наука, 1979. С. 5–25.

Перфильева Н. П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2006. 43 с.

Рождественский Ю. В. Общая филология. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 326 с.

Русская грамматика: [В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др.]. М.: Наука, 1980. 783 с.

Сафронова И. П. Эстетические функции индивидуально-авторского тире в цикле «Стихи к Блоку» Марины Цветаевой // Вестник Удмурт. ун-та. Филологические науки. 2004. Вып. 5 (2). С. 75–81.

Стурикова М. В., Кирпичикова М. Е. Пунктуация в текстах социальных сетей // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. 2014. № 3. С. 154–159.

Тискова О. В. Русская пунктуация как коммуникативный феномен (к постановке проблемы) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты: Материалы конференции. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. Ч. 1. С. 288–294.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4.

Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 398 с.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1994.

Шварцкопф Б. С. Современная пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 192 с.

Russel B. The Philosophy of Logical Atomism. London; New York, 2010.

One hundred years of Russell's paradox. Ed. by G. Link. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004. 662 p.

Article metadata

Title: Russian Punctuation as a Sign System

Author: I. E. Kim

Author's e-mail: kim@philology.nsc.ru

Author's affiliation: Institute of Philology SB RAS; Novosibirsk State University

Abstract. The Russian punctuation is a system of signs with its own functions and its own formal organization, different from the organization of alphabetic characters, numbers and other written signs of the Russian language. In terms of formal organization, punctuation marks differ from two-dimension characters in geometry and in one-dimensionality or even zero-dimensionality. In terms of function, they are used as signs of articulation and organization of the text (as the metatext by A. Wierzbicka). Punctuation marks are located between graphic (linguistic-visual) and paragraphic (non-linguistic visual) systems of writing. They perform their function in combination with the system of spaces (word space, arbitrary line end, empty part of the page, empty page) and paragraph tools. The punctuation is similar in function to road signs and computer text markup but unlike them punctuation marks are situated on the line alternately with the main objects of the writing.

Key terms: Russian punctuation, punctuation marks, graphic system of language, paragraphemics, metatext, spatial organization of text.

Reference literature (in transliteration):

Abakumov S. I. *Punktuatsiya v pamyatnikakh russkoy pis'mennosti XVI–XVII vekov: Dis. d-ra filol. nauk.* Moscow, 1955, 304 p. (in Russ.)

Baranov A. N., Parshin P. B. *Vozdeystvuyushchiy potentsial var'irovaniya v sfere metagrafemiki.* In.: *Problemy effektivnosti rechevoy kommunikatsii.* Moscow, 1989, p. 41–115. (in Russ.)

Baranov A. N., Parshin P. B. *O metazykyke opisaniya vizualizatsiy teksta.* *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*, 2018, vol. 17, no 3, p. 6–15. DOI 10.15688/jvolsu2.2018.3.1 (in Russ.)

Basalayeva E. G., Shpilman M. V. *Mnogotochiye kak ob'yekt yazykovoy refleksii v internet-diskurse.* *Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 3, p. 248–255. (in Russ.)

Basalayeva E. G., Ruzha O. A., Shpilman M. V. *Russkaya orfografiya i punktuatsiya skvoz' prizmu naivnogo soznaniya.* *Siberian Journal of Philology*, 2016, no. 3, p. 59–69. DOI 10.17223/18137083/56/6 (in Russ.)

Belov K. I. *Iz istorii russkoy punktuatsii XVII veka.* Perm, 1958, 30 p. (in Russ.)

Belov K. I. *Iz istorii russkoy punktuatsii XVI veka.* Perm, 1959, 24 p. (in Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka = Russisches etymologisches Wörterbuch.* Moscow, 1986–1987, vol. 1–4. (in Russ.)

Ivanova V. F. *Istoriya i printsipy russkoy punktuatsii: Ucheb. posobiye.* Leningrad, 1962, 64 p. (in Russ.)

Kim I. E. *Punktuatsionnyye znaki v pis'mennoy forme sovremennogo russkogo yazyka: oznachayushcheye i oznachayemoye.* In.: I. A. Boduen de Kurtene. *Uchenyy. Uchitel'. Lichnost'.* Krasnoyarsk, 2000, p. 95–104. (in Russ.)

Kirillitsa – latinitsa – grazhdanitsa: *Kollektivnaya monografiya.* Otv. red. T. V. Shmeleva. Velikiy Novgorod, 2009, 340 p. (in Russ.)

Koltsova L. M. *Pragmatika khudozhestvennogo teksta v zerkale russkoy punktuatsii.* *Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser. "Gumanitarnyye nauki"*, 2003, no. 1, p. 284–299. (in Russ.)

Mikhaylov A. V. *Drevnerusskiy tekst: punktuatsiya i predikatsiya.* Dis... kand. filol. nauk. St. Petersburg, 1992, 229 p. (in Russ.)

Nashkhoyeva M. R. *Vzaimodeystviye punktuatsionnykh znakov i emotikonov v tekstakh forumov.* *Vestnik Chelyabin. gos. ped. un-ta. Ser. Filologiya i Iskusstvovedeniye*, 2011, no. 12, p. 321–327. (in Russ.)

One hundred years of Russell's paradox. Ed. by G. Link. Berlin, New York, 2004, 662 p.

Penkovskiy A. B., Shvartskopf B. S. Opyt opisaniya russkoy punktuatsii kak funktsional'noy sistemy. In.: *Sovremennaya russkaya punktuatsiya*. Moscow, 1979, p. 5–25. (in Russ.)

Perfilyeva N. P. Metatekst: tekstotsentricheskii i leksikograficheskiy aspekty: Avto-ref. dis. ... d-ra filol. nauk. Novosibirsk, 2006, 43 p. (in Russ.)

Rozhdestvenskiy Yu. V. *Obshchaya filologiya*. Moscow, 1996, 326 p. (in Russ.)

Russel B. *The Philosophy of Logical Atomism*. London, New York, 2010.

Russkaya grammatika. T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsiya. Slovo-obrazovaniye. Morfologiya. Moscow, 1980, 783 p. (in Russ.)

Safronova I. P. Esteticheskiye funktsii individual'no-avtorskogo tire v tsikle “Stikhi k Bloku” Mariny Tsvetayevoy. *Vestnik Udmurt. un-ta. Filologicheskiye nauki*, 2004, iss. 5 (2), p. 75–81. (in Russ.)

Shapiro A. B. *Osnovy russkoy punktuatsii*. Moscow, 1955, 398 p. (in Russ.)

Shmeleva T. V. *Semanticheskii sintaksis: Tekst lektsiy*. Krasnoyarsk, 1994. (in Russ.)

Shvartskopf B. S. *Sovremennaya punktuatsiya: sistema i yeye funktsionirovaniye*. Moscow, 1988, 192 p. (in Russ.)

Sturikova M. V., Kirpichikova M. E. Punktuatsiya v tekstakh sotsial'nykh setey. *Sotsiokul'turnoye prostranstvo Rossii i Zarubezh'ya: Obshchestvo, obrazovaniye, yazyk*, 2014, no. 3, p. 154–159. (in Russ.)

Tiskova O. V. Russkaya punktuatsiya kak kommunikativnyy fenomen (k postanovke problemy). In.: *Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech': issledovatel'skiy i obrazovatel'nyy aspekty. Materialy konferentsii*. Barnaul, 2002, pt. 1, p. 288–294. (in Russ.)

Vakhek Y. K probleme pis'mennogo yazyka. In.: *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok. Sb. statey*. Moscow, 1967, p. 524–534.

Vezhbitskaya A. Metatekst v tekste. In.: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Lingvistika teksta*. Moscow, 1978, iss. 8, p. 402–421. (in Russ.)

Vlasov M. S. Issledovaniye vospriyatiya tekstov s normativnoy i nenormativnoy punktuatsiyey nositelyami russkogo i angliyskogo yazykov metodom lingvoakusticheskogo analiza. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 4 (45), p. 86–94. (in Russ.)

Zaloznyak A. A. O ponyatii grafemy. In.: *Balcanica. Lingvisticheskiye issledovaniya*. Moscow, 1979, p. 134–152. (in Russ.)

Zarutskiy P. S. “Tishina” na stranitse: vospriyatiye pustogo prostranstva v tekste v grecheskoy poezii XX veka. *Critique & Semiotics*, 2019, no. 1, p. 329–338. DOI 10.25205/2307-1737-2019-1-329-338 (in Russ.)